

Proper names in the scope of metalinguistic negation

Igor M. Boguslavsky
A. A. Kharkevich Institute for
Information Transmission Problems,
Moscow, Russia;
Universidad Politécnica de Madrid,
Madrid, Spain
bogus@iitp.ru

Elena L. Vilinbakhova
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia
e.vilinbakhova@spbu.ru

Abstract

This paper analyses constructions with proper personal names negated metalinguistically, i.e. the objection is aimed not at the truth of the proposition (*ne Vasja, a Kolja*), but at the assertability of a linguistic expression (*ne Vasja, a Vasilij Pavlovič*). Our data from the Russian National Corpus shows, first, that metalinguistic negation constructions with proper names are used primarily to correct the representation of the referent which is associated with the particular form of naming, and the cases of correction of form only, such as linguistic mistakes, are by far less typical. Next, among the additional elements there is a prevalence of temporal markers, which indicates that metalinguistic negation constructions are commonly used to point to the change of the referent with time. Another observation is that the correction towards a more formal way of naming prevails over the opposite direction, showing that the lack of formality is regarded as a more serious mistake than the other way around. Finally, it turned out that in our sample the examples of self-correction prevail over the correction of others, which demonstrates a wider range of functions of metalinguistic negation than it was acknowledged in the previous studies.

Keywords: metalinguistic negation, proper names, Russian, corpus study

DOI: 10.28995/2075-7182-2022-21-50-60

Имена собственные в сфере действия метаязыкового отрицания¹

Богуславский И. М.
Институт проблем передачи
информации им. А. А. Харкевича РАН,
Москва, Россия;
Universidad Politécnica de Madrid,
Мадрид, Испания;
bogus@iitp.ru

Вилинбахова Е. Л.
Санкт-Петербургский
государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
e.vilinbakhova@spbu.ru

Аннотация

Феномен метаязыкового отрицания характеризуется тем, что в его сфере действия находится не пропозиция, а способ ее языкового выражения. Мы рассматриваем конструкции, в которых в сфере действия метаязыкового отрицания оказывается имя собственное. На основании данных Национального корпуса русского языка можно сделать следующие выводы. Во-первых, основной функцией конструкции является коррекция информации, кодируемой в способе представления носителя имени, а не просто исправление ошибки в передаче этого имени. Во-вторых, распространенность временных маркеров в качестве дополнительных элементов конструкции указывает на использование метаязыковой конструкции для указания на изменение референта с течением времени. Далее, данные корпуса свидетельствуют, что говорящий использует конструкцию для коррекции в сторону более официальной формы имени чаще, чем наоборот, что, по-видимому, говорит о том, что недостаточный уровень формальности

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10048).

осуждается в коммуникации больше, чем ее переизбыток. Также было выявлено, что случаи исправления говорящим самого себя преобладают над случаями коррекции другого, что позволяет говорить о более широком спектре употребления конструкции, чем утверждалось в предшествующих исследованиях. Наконец, было показано, что метаязыковой предикат названия может реализовываться не только лексически, но и входить в состав значения синтаксических конструкций.

Ключевые слова: метаязыковое отрицание, имена собственные, русский язык, корпусное исследование

1 Введение

Наше исследование посвящено проблеме метаязыкового отрицания в конструкциях с именами собственными, как в (1), где говорящий исправляет форму имени, выбранную для обращения к Василию Аксенову.

- (1) *Они много выпили, стали на «ты», но, когда Андрей назвал Аксенова Васей, сидевший рядом кто-то из пишущей братии по фамилии Холендро (фамилия необычная, поэтому и запомнил), строго сказал: — Не Вася, а Василий Павлович! — И Андрей сразу отрезвел².*

Феномен метаязыкового отрицания интересен тем, что в его сфере действия оказывается не пропозиция, а способ ее языкового выражения, см. (2): речь идет не о том, что имеет место не одно действие, а другое (как в случае *Не спим, а работаем*), а о том, что данное действие правильно называть не одним способом, а другим.

- (2) *Мы не пьем, а дезинфицируем душевные раны.* [Богуславский 2016: 126]

В настоящее время метаязыковое отрицание активно изучается в мировой лингвистике, однако большая часть работ выполнена на материале английского [Horn 1985, 1989; Burton-Roberts 1989; Carston 1996; Geurts 1998] и французского языков [Larrivée 2018; Moeschler 2018]. В работах на материале русского языка можно встретить анализ отдельных примеров, которые содержат метаязыковое отрицание, см. [Богуславский 1985; Падучева 2011; Escandell-Vidal, Viliinbakhova 2019], а также [Азаргаева 2018].

В литературе отмечается, что метаязыковое отрицание обладает особыми свойствами, которые отличают его от дескриптивного отрицания. К ним относится его особый интонационный контур, невозможность морфологического выражения или сочетания со словами с отрицательной поляризацией (NPI), употребление прежде всего в реактивных репликах, воспроизводящих предшествующее высказывание (1), см. [Horn 1989; van der Sandt 1991; Carston 1996].

Также Р. ван дер Сандт, Б. Герте и Ж. Мешлер предлагают классификации различных типов метаязыкового отрицания, выделяя случаи, где оно направлено на форму, см. (1-2), выше; на импликацию (*не хорошо, а замечательно*); и на пресуппозицию (*жена не уйдет к другому, если у вас нет жены*) [van der Sandt 1991; Geurts 1998; Moeschler 2018]. Примеры, рассматриваемые в нашей работе, относятся к первой группе, в которой отрицание направлено на форму.

Следует отметить, что примеры с метаязыковым отрицанием являются частным случаем более широкого класса метаязыковых высказываний, см. (3а-б). Различие между ними состоит в том, что в (3а) метаязыковое употребление эксплицируется с помощью глагола речи, а в (3б) оно ничем не маркируется.

- (3) а. *Mary says [potaytou] and John says [potahto].* [Carston 1996: 327]
б. *You like [potaytouz] and John likes [potahtoz].*

Метаязыковые высказывания о способах наименования включают метаязыковые предикаты названия (*звать, называть, именовать, обозначать* и др.), которые также могут быть выражены эксплицитно или имплицитно.

² Примеры взяты из Национального корпуса русского языка, если не указано иное. Из соображений краткости мы не приводим в тексте источники.

- (4) а. *Моего брата зовут Дмитрий.* [*Дмитрий*₁ = имя] [4а-в сконструированные примеры]
 б. *На пороге стоял Дмитрий.* [*Дмитрий*₂ = индивид, чье имя *Дмитрий*₁]
 в. *Моего брата зовут не Димочка, а Дмитрий.*
 г. *На пороге стоял не Димочка, а Дмитрий. От прежнего милого юноши ничего не осталось.*

Хотя примеры типа (4в) с эксплицитным метаязыковым предикатом не относятся к прототипическим случаям метаязыкового отрицания, такими как (4г), они разделяют с ними важные свойства: (а) отрицание направлено на языковое выражение, а не на внеязыковой объект (как в случае *Пришел не Петя, а Коля*), и (б) корректируемое и корректирующее выражение имеют один и тот же референт. Поэтому для наших целей удобно анализировать их совместно с чистыми случаями метаязыкового отрицания.

Мы рассматриваем (i) функции метаязыковых отрицательных конструкций с именами собственными; (ii) особенности конструкций с именами собственными в отличие от конструкций с другими синтаксическими группами; (iii) эксплицитное и имплицитное выражение метаязыковых предикатов называния.

Изложение построено следующим образом. В разделе 2 представлена методология исследования, в разделе 3 обсуждаются его результаты, в Заключение подводятся итоги работы.

2 Методология

Материал для нашего исследования собирался по основной коллекции Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ). Брались тексты от начала XX века и до сегодняшнего дня. В корпусе искали вхождения конструкции *не X, а Y*, где X – имя собственное, называющее лицо, а Y – произвольное существительное (часто – также имя собственное). После ручной фильтрации «мусора» осталось 318 фрагментов текста, которые и составили предмет нашего исследования. Никаких ограничений на жанр текста не накладывалось, но оказалось, что подавляющее большинство примеров приходится на художественную литературу (64,77%) и публицистику (32,07%). Остальные жанры представлены изолированными примерами.

Отобранные фрагменты были размечены по двум структурным и четырем содержательным параметрам: (i) заполнение слотов конструкции; (ii) дополнительные элементы; (iii) цель коррекции; (iv) изменение уровня формальности; (v) смена имени; (vi) исправляемый участник. Выбор параметров был обусловлен как наблюдениями в предшествующих работах о конструкциях с именами нарицательными (например, параметр «Исправляемый участник»), так и спецификой материала в лингвистическом и шире, социокультурном аспектах, включая разнообразие форм имени собственного как средств для выражения социальных отношений между участниками общения в русском языке (параметр «Изменение уровня формальности») или наличие традиций, связанных со сменой имени, в частности, при вступлении в брак (параметр «Смена имени»).

3 Описание результатов

3.1 Структурные свойства

Хотя мы изучаем только конструкцию *не X, а Y*, существует и другой вариант *Y, а не X*. Эти варианты демонстрируют легкое различие в коммуникативной перспективе, но в остальном полностью синонимичны. Близкая коммуникативная вариативность имеется и в английском языке, однако английское соответствие союза *a – but* – не допускает симметричного построения и выступает только в одном из двух вариантов [McCawley 1991]:

- (5) а. *John drank not coffee but tea.* [McCawley 1991: 190]
 б. *John drank tea, (*but) not coffee.*

Мы остановимся на двух типах структурных свойств конструкции *не X, а Y* – на том, чем именно могут заполняться позиции X и Y, и на том, какие дополнительные элементы могут в ней участвовать.

В Табл. 1 представлено распределение возможных способов заполнения позиций *X* и *Y*. Наиболее частотными являются построения, в которых обе позиции замещаются именами собственными (80,8%):

(6) *Тогда он был еще не Юрка, а Юрий Николаевич.*

Следом идут конструкции типа (7), в которых в позиции корректируемого элемента *X* находится имя собственное, а в позиции замещающего элемента *Y* – имя нарицательное (10,4%), а также конструкции типа (8), где корректирующий элемент включает как имя собственное, так и нарицательное (6%):

(7) *Не Валер, а товарищ старший сержант.*

(8) *Ты, видно, не в курсе, что я не просто Крячко, а полковник милиции Крячко.*

Другие варианты корректируемого и замещающего элементов встречаются заметно реже.

Заполнение слотов конструкции	Количество примеров	Относительная частотность (%)
<i>не</i> N.Prop.n, <i>а</i> N.Com	33	10,377
<i>не</i> N.Prop.n, <i>а</i> N.Com N.Prop.n.	19	5,974
<i>не</i> N.Com N.Prop.n, <i>а</i> N.Com N.Prop.n.	8	2,516
<i>не</i> N.Com N.Prop.n, <i>а</i> N.Prop.n.	1	0,314
<i>не</i> N.Prop.n, <i>а</i> N.Prop.n.	257	80,818
Всего	318	100

Таблица 1: Заполнение слотов конструкции.

Широкая представленность конструкций, в которых оба компонента выражены именами собственными, вполне предсказуема. Изучаемый массив образован конструкциями, в которых имена собственные вступают в контрастные отношения с другой номинацией, и естественно, что эти номинации семантически параллельны [Umbach 2004]. Менее ожидаемым оказалось то, что непараллельных примеров типа (7) в массиве тоже оказалось достаточно много. Тем не менее, это вполне объяснимо: коммуникативная задача говорящего состоит в том, чтобы сообщить, что выбор номинации в виде имени собственного неудачен, и альтернативой является более информативная номинация, указывающая на роль референта в ситуации, его статус, должность и т.п.

Помимо центральных компонентов конструкции – корректируемого и замещающего элементов – конструкция может содержать разного рода дополнительные элементы, вносящие темпоральные, модальные, эпистемические и некоторые другие компоненты значения. Здесь нас интересуют только такие элементы предложения, которые воздействуют на саму описываемую конструкцию или ее компоненты. Так, темпоральные элементы сообщают, что коррекция номинации мотивирована изменением ситуации: раньше была уместна номинация *X*, а теперь – номинация *Y* (*фамилия его уже не Гриншпан, а Громов*). Интенсификаторы, которые мы принимаем во внимание, воздействуют непосредственно на отрицание (*никакой не Иван, а Иоанн Суровый*). Фокальные частицы помещают в фокус корректирующий компонент (*не Елена, а именно Лена*). Свободный дательный, как будет показано ниже, также самым непосредственным образом связан со значением конструкции.

Дополнительные элементы можно распределить по следующим тематическим группам:

- **ТЕМПОРАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ** (*уже, еще, сейчас, теперь, тогда, отныне* и др.)

(9) *Вскоре он оказывается в Ленинграде, только зовут его теперь не Владимир Иосифович, а Владимир Осипович, и фамилия его уже не Гриншпан, а Громов.*

- ИНТЕНСИФИКАТОРЫ (*вовсе, никакой*)
- (10) *И мужик этот никакой не Иван, а Иоанн Суровый.*
- ФОКАЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ (*именно, только, прямо, просто*)
- (11) *12 марта прилетела Лена Петрова (имя – по паспорту, не Елена, а именно Лена, в честь реки).*
- ВВОДНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ (*кажется, скажем*)
- (12) *Я знал одного Жеглова ... хотя тот, кажется, не Жеглов, а Жигалов... такая жалость.*
- РИТОРИЧЕСКИЙ ДАТЕЛЬНЫЙ (*тебе, вам*)
- (13) *Я вам не Коля, - грозно-равнодушно кричит он, - а Николай Иванович.*

Всего в нашем массиве дополнительные элементы встретились в 127 примерах, и их общее число составило 153. В Табл. 2 представлены их абсолютные частоты, вес относительно других элементов (где 100% составляют все 153 обнаруженных элемента) и распределение по массиву (где 100% составляют 318 проанализированных примеров). Мы включили в таблицу только те элементы, которые встретились больше трех раз.

Дополнительный элемент	Количество примеров	Доля среди всех доп. элементов (%)	Доля предложений с этим элементом (%)
УЖЕ	29	18,954	9,119
ВОВСЕ	18	11,764	5,660
ПРОСТО	14	9,150	4,402
ТЕПЕРЬ	12	7,843	3,773
ИМЕННО	7	4,575	2,201
НИКАКОЙ	7	4,575	2,201
ТЕБЕ/ВАМ	5	3,267	1,572
ДАЖЕ	4	2,614	1,257
УЖ	4	2,614	1,257

Таблица 2: Дополнительные элементы, встретившиеся больше трех раз.

Как видно из таблицы, среди дополнительных элементов с большим отрывом лидирует темпоральный маркер *уже* (18,9% случаев). Это неудивительно: употребление метаязыкового отрицания часто мотивировано тем, что с течением времени изменился сам носитель имени, а это в свою очередь привело к тому, что изменился и способ его уместной номинации. Ср., например, (14):

- (14) *И уже давно еврейский мальчик Эдик – не Эдик, а Эд, профессор Массачусетского Технологического.*

Дополнительные элементы, о которых мы говорили выше, употребляясь в нашей конструкции, не обнаруживают никакой специфики. Их значение, темпоральное, модальное, вводное и т.п., остается таким же, каким оно бывает и в других контекстах. Иначе обстоит дело с так называемым «свободным дательным» (*free, non-valence, extended, sentence dative* [Horn 2013]), на котором мы остановимся несколько подробнее.

Хорошо известно, что в языках мира представлен широкий спектр употреблений дательного падежа, далеко выходящих за рамки простой маркировки аргументов предикатов [Lambert 2010].

Сведения о таких употреблениях в разных языках можно найти, в частности, в [Hole 2006; Hole et al. 2006; Bosse et al. 2012; Pennington 2012]. Для русского языка детальный разбор подобных употреблений содержится в статье «Дательный падеж», подготовленной для Русской корпусной грамматики [Кустова 2012]. Для настоящей работы релевантно употребление, которое называют экспрессивный или «риторический» дательный [Кустова *ibid*: 2.3.4.3]. Он разделяет главное свойство всех случаев свободного дательного — маркирует объект, который лексически не предсказывается глаголом и не входит в его пропозициональное содержание [Gutzmann 2007]. Этот объект не включен в процесс, называемый глаголом, но тем не менее так или иначе им затронут [Lamirou, Delbecque 1998]. Экспрессивный дательный выполняет в высказывании риторическую роль — он некоторым образом затягивает в ситуацию адресата. «Функция риторического дательного состоит в том, чтобы включить в предложение, описывающее некоторую ситуацию ..., некое лицо — обычно участника речевого акта, ... и тем самым сделать это лицо причастным к описываемой ситуации, к которой оно в действительности не имеет отношения в том смысле, что не является ее участником» [Кустова 2012: 2.3.4.3]. Ср. примеры (15)–(17) из [Кустова *ibid*]:

- (15) *Да, Вова, это тебе не Бухара!*
 (16) *Будет он тебе на «Жигулях» ездить!*
 (17) *Он тебе не Дима, запомни, а Дмитрий Вениаминович.*

Мы хотели бы показать, что примеры типа (17) стоят в этой группе несколько особняком. В (15-16) форма *тебе*, действительно, ничего не вносит в пропозициональное содержание предложений *Это не Бухара; Будет он на Жигулях ездить!* Адресат не является аргументом никакого предиката в этих предложениях и никаким образом лексически не предсказывается ими. Для (17) это не так. Значение этого предложения можно представить как ‘ты не должен называть его Дима; ты должен называть его Дмитрий Вениаминович’. Здесь видно, что адресат *ты* существенным образом участвует в пропозициональном содержании предложения. Он является полноценным субъектом пропозиций ‘ты называешь его Дима / Дмитрий Вениаминович’. Ср. еще один характерный пример, отчетливо проявляющий, что дативная ИГ является субъектом называния:

- (18) *Он неловко начал говорить — запинаясь, с повторами, — и вдруг я понял, что и впрямь они с Павлом давно были знакомы и дружны, и отчество он путал как раз потому, что Павел ему был именно что Павел или даже Паша, а вовсе не Павел Иванович, а сам он Павлу — никакой не Евгений Александрович, а просто Женька.*

Предложения (15) и (17) выглядят похожими, но в действительности между ними имеется существенная семантическая разница. В обоих предложениях отрицание воздействует на имя собственное, но по-разному. Если в (17) речь идет о том, какое именование уместно/неуместно, то (15) не означает ‘ты не должен называть это место Бухара’. Скорее, это предложение сообщает, что данное место не похоже на Бухару, и одновременно затягивает в эту ситуацию слушающего, хотя он и не имеет к ней непосредственного отношения.

Примечательной особенностью предложений типа (17-18) является то, что предикат именованья не выражен лексически. Он входит в состав значения всей конструкции, включающей связочный глагол (часто в нулевой форме), ИГ в дательном падеже или с предлогом *для* и имя собственное.

- (19) *Она всем была Галина Ивановна, а мне просто Галя.* [сконструированный пример]

Стоит подчеркнуть, что предикат именованья возникает в конструкции с дательным падежом, по-видимому, только в контексте имени собственного. Например, если конструкция содержит существительное, обозначающее отношение, то местоимение в дательном падеже обозначает аргумент этого отношения: *Ты мне не начальник* ‘ты не являешься моим начальником’ (но не ‘я не называю тебя начальником’).

Дополнительным свидетельством того, что дативная ИГ имеет разную семантику в металингвистических предложениях типа (17-19) и в чисто риторических предложениях типа (15-16), является то, что в первом случае тебе взаимозаменяемо с предложной группой *для тебя*, а во втором случае это исключено:

- (17') *Он для тебя не Дима, запомни, а Дмитрий Вениаминович.*
 (19') *Она для всех была Галина Ивановна, а для меня просто Галя.*
 (15') **Это для тебя не Бухара!*
 (16') **Будет он для тебя на «Жигулях» ездить!*

Как подчеркивалось в [Lambert 2010; Horn 2013] и других работах, употребления «свободного дательного» образуют континуум. Здесь мы столкнулись с другим проявлением этого обстоятельства. Как отмечалось выше, важным свойством «свободного дательного» является то, что он не входит в пропозициональное содержание предложения. С этой точки зрения, предложения типа (17) выглядят несколько парадоксально. Если исходить из того, что пропозициональное содержание предложения (или, его предикатно-аргументная структура) образована исключительно его словами, то тогда дативные ИГ в примерах типа (17-19) не входят в эту структуру, поскольку они не являются аргументами никакого слова предложения. С другой стороны, эти предложения содержат конструкцию, в значение которой входит предикат именованности, и дативная ИГ обозначает его субъект. Если принять во внимание то, что предикат именованности может быть выражен нелексически, то приходится признать, что дативная ИГ является полноценным участником предикатно-аргументной структуры предложения и тем самым сближается со стандартными употреблениями дательного падежа, используемого для маркировки аргументов предикатов, как, например, *давать, отвечать, помогать, вредить, соответствовать, верить, радоваться, поддаваться, равный, эквивалентный, синонимичный* и др.

3.2 Содержательные свойства

Обращаясь к содержательным свойствам конструкций, рассмотрим сначала параметр «Цель коррекции», который основан на классификации типов метаязыкового отрицания в [Geurts 1998]. В рамках данной классификации анализируемые нами примеры относятся к возражению против формы (англ. *form denial*), однако мы выделяем две более частные разновидности в зависимости от наличия / отсутствия дополнительного смыслового компонента, который указывает на определенный способ представления референта-носителя имени и принадлежит фонду общих фоновых знаний в области социальных отношений, региональных и культурных особенностей [Nyström 2016].

Примером конструкции, в которой коррекция направлена исключительно на формальные особенности языкового выражения, является (20), где речь идет о правильном написании фамилии героя.

- (20) — *Только не «ф», а «в», — сказал он. — Не Лифишиц, а Ливишиц.*

В (21), напротив, речь идет о коррекции способа представления героя в разные временные периоды и в разных обстоятельствах: если в тюрьме к нему обращались, используя кличку *Афоня*, то на свободе он ожидает обращения по имени и отчеству.

- (21) — *Не Афоня, а Степан Григорьевич. Это я в «чалкиной деревне» был Афоня Карельский, а здесь я уважаемый человек.*

На нашем материале случаи отрицания, направленного на способ представления референта, оказались более распространены (62%), чем примеры исправления исключительно формальных неточностей (38%), см. Табл. 3. Таким образом, метаязыковые отрицательные конструкции с именами собственными используются говорящим в первую очередь для указания на несоответствие корректируемой формы имени текущей коммуникативной ситуации, а не на коррекцию исключительно формальных ошибок.

Цель коррекции	Количество примеров	Относительная частотность (%)
Способ представления референта	198	62,264
Формальные свойства	120	37,736
Всего	318	100

Таблица 3: Цель коррекции.

Следующий параметр «Изменение уровня формальности» характеризует те примеры, в которых говорящий использует конструкцию для коррекции формы имени в сторону более или наоборот, менее официального варианта. К случаям первого типа относятся примеры (1) и (13) выше, в которых говорящий исправляет обращение по имени / кличке на официальную форму с именем и отчеством. Примером второго типа может служить (18) выше, где, напротив, полное имя и отчество *Евгений Александрович* исправляется говорящим на сокращенный вариант *Женька*.

Нам встретилось 63 примера, релевантных по данному параметру, из которых в 76% случаев коррекция была направлена на увеличение формальности: с одной стороны, при употреблении говорящим конструкции для указания на эволюцию референта (взросление, изменения статуса и т.д.) переход от менее к более формальному наименованию отражает естественный ход событий: с другой стороны, недостаточно формальное обращение расценивается как более серьезный и требующий исправления промах, чем обратная ситуация.

Изменение уровня формальности	Количество примеров	Относительная частотность (%)
Увеличение уровня формальности	48	15,094
Уменьшение уровня формальности	15	4,717
Не применимо	255	80,189
Всего	318	100

Таблица 4. Изменение уровня формальности.

Параметр «Смена имени» описывает два типа употреблений: случаи, когда в конструкции используются два разных имени, и примеры, когда речь идет о разных формах одного и того же имени. К иллюстрациям примеров первого типа относятся (9) выше и (22). В (22) действие происходит в 1914 году, во время начала Первой мировой войны, и персонажи — Борис и его отец — решают сменить немецкую фамилию *Мюллер* на русскую фамилию *Мельниковы*, чтобы избежать отрицательного отношения к себе из-за возможной ассоциации с Германией.

(22) *Они с отцом решили поменять фамилии. Теперь они не Мюллеры, а Мельниковы.*

На нашем материале встретилось 52 примера смены имени (16,4%), описывающие как ситуации следования традиции, например, взятие фамилии мужа или творческого псевдонима, так и индивидуальные обстоятельства героев, вызванные внешними условиями.

Последний параметр «Исправляемый участник» указывает, направлено ли исправление говорящего на форму, используемую ими самим или другим участником общения. В литературе отмечается, что метаязыковое отрицание используется в реактивных репликах, а корректируемый элемент является цитатным употреблением слов другого участника общения, и мы проверяли, насколько это наблюдение справедливо для употреблений конструкции в русском языке.

Примеры коррекции другого участника представлены в (1), (13), (21), а также (23). В (1), (13), (21) говорящий указывает, что считает неподходящим выбор формы имени другим участником и предлагает более уместную, на его взгляд, альтернативу. В (23) идет указание на ошибку — неверное имя и отчество, произнесенное персонажем из-за недостатка концентрации.

- (23) — *Мы ведь с вами... — Стоп! — командовал Эрмлер. — Федор Николаевич, дорогой, не Виталий Васильевич, а Василий Витальевич. Начали! — Здравствуйте, Викентий Васильевич! — встрепенулся Петров.*

К примерам исправления говорящим самого себя относятся (6), (9), (11), (12), (14) выше и (24). За исключением примеров типа (12), когда говорящий сам замечает и исправляет свою ошибку, корректируемый элемент, как правило, является более знакомым и ожидаемым для говорящего и адресата, а замещающий элемент преподносится как новая информация.

- (24) — *Пойдемте, Юрий Петрович, — сказала официантка Валя. Нет, уж не Валя, а Валентина Степановна. Внуки у нее росли.*

По нашим данным, исправление говорящим самого себя используется в 76,4% случаев, что не совпадает с утверждениями о реактивном характере метаязыкового отрицания в предшествующих работах. Тем не менее, нам кажется, что это наблюдение не противоречит, а расширяет спектр употреблений метаязыкового отрицания. Говорящий может использовать его не только для исправления ошибок, но и для усиления контраста, например, между двумя этапами жизни референта, уровнями формальности отношений с говорящим, позициями на социальной лестнице.

Исправляемый участник	Количество примеров	Относительная частотность (%)
Исправление самого себя	243	76,416
Исправление другого	75	23,585
Всего	318	100

Таблица 5. Исправляемый участник.

В целом, отвечая на исследовательские вопросы, поставленные во вводном разделе, мы можем сформулировать следующие наблюдения. На материале НКРЯ было выявлено, что метаязыковые отрицательные конструкции с именами собственными используются говорящим не столько для исправления ошибки в передаче имени, а скорее с целью коррекции информации, кодируемой в способе представления носителя имени. К нетривиальным свойствам конструкции с именами собственными, отличающим ее от метаязыковых конструкций с другими синтаксическими группами, описанными в литературе, относится, во-первых, тот факт, что метаязыковые поправки, направленные на самого говорящего, в НКРЯ более частотны, чем поправки, направленные на другое лицо³. Во-вторых, для данных конструкций случаи т.н. формального метаязыкового отрицания [Geurts 1998], оказываются более разнообразными, чем это отмечено для конструкций с именами нарицательными в предыдущих работах. Наконец, было показано, что «свободный дательный» может функционировать как актант лексически невыраженного предиката именованья, что демонстрирует более широкий, чем указывалось в литературе, спектр его реализации.

4 Заключение

Мы рассмотрели формальные и содержательные свойства метаязыковых отрицательных конструкций с именами собственными и получили следующие результаты. Во-первых, по нашим данным, основной функцией конструкции является коррекция способа представления носителя имени. Это отражается и в структурных характеристиках примеров: наряду с симметричным заполнением слотов именами собственными, говорящий использует в рамках замещающего элемента имена нарицательные, чтобы передать способ (верного) представления референта с большей точностью. Также распространенность временных маркеров в качестве дополнительных элементов конструкции указывает на ее употребление для указания на

³ Авторы благодарны за эту формулировку анонимному рецензенту.

изменения референта с течением времени. Далее, в наших примерах говорящий использует конструкцию для коррекции в сторону более официальной формы имени чаще, чем наоборот, и это, по-видимому, свидетельствует о том, что недостаточный уровень формальности осуждается больше, чем ее переизбыток. Кроме того, было выявлено, что случаи исправления говорящим самого себя преобладают над случаями коррекции другого, что позволяет говорить о более широком спектре употребления конструкции, чем утверждалось в предшествующих исследованиях. Наконец, было показано, что метаязыковой предикат называния может реализовываться не только лексически, но и входить в состав значения синтаксических конструкций.

Благодарности

Авторы благодарят за помощь в работе с материалом, подборе литературы и обсуждении исследования Б. Гертса, Л. Л. Иомдина, С. А. Крылова, Ксению Лебедеву, а также трех анонимных рецензентов.

References

- [1] Azargaeva A. V. Metalinguistic negation in sentences with proper names: Evidence from Russian. A corpus-based study [Metazykovoe otritsanie v vyskazyvaniakh s imenami sobstvennymi: korpusnoe issledovanie na materiale russkogo yazyka]. Bachelor thesis / Azargaeva A. V.; St Peterburg State University, — St Petersburg, 2018. — Access mode: <http://hdl.handle.net/11701/13985>
- [2] Boguslavsky I. M. Studies in syntactic semantics: Scope of logical words [Issledovaniya po sintaksicheskoi semantike: sfery deistviya logicheskikh slov]. — Moscow: Nauka, 1985.
- [3] Boguslavsky I. M. Review of the book: E. V. Paducheva. Russian negative sentence [Russkoe otritsatel'noe predlozhenie]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013 // Voprosy Jazykoznanija. — 2016. — Vol. 2. — P. 121–127.
- [4] Bosse S., Bruening B., Yamada M. Affected experiencers // *Natural Language and Linguistic Theory*. — 2012. — Vol. 30. — P. 1185–1230.
- [5] Burton-Roberts N. On Horn's dilemma: Presupposition and negation // *Journal of Linguistics*. — 1989. — Vol. 25. — P. 95–125.
- [6] Carston R. Metalinguistic negation and echoic use // *Journal of Pragmatics*. — 1996. — Vol. 25. — P. 309–330.
- [7] Datives and Other Cases: Between Argument Structure and Event Structure // Ed. by D. Hole, A. Meinunger, W. Abraham. — Amsterdam: John Benjamins, 2006.
- [8] Escandell-Vidal V., Viliinbakhova E. Negated Tautologies and Copular Contradictions: Interpretive Strategies // *International Review of Pragmatics*. — 2019. — Vol. 11, no. 2. — P. 153–199.
- [9] Geurts B. The Mechanisms of Denial // *Language*. — 1998. — Vol. 74 (2). — P. 274–307.
- [10] Gutzmann D., 2007. Eine Implikatur konventioneller Art: der Dativus Ethicus // *Linguistische Berichte*. — 2007. — Vol. 211. — P. 277–308.
- [11] Hole D. Extra argumentality – affectees, landmarks, and voice // *Linguistics*. — 2006. — Vol. 44, — P. 383–424.
- [12] Horn L. Metalinguistic negation and pragmatic ambiguity // *Language*. — 1985. — Vol. 61. — P. 121–174.
- [13] Horn L. A natural history of negation. — Chicago, IL: University of Chicago Press, 1989.
- [14] Horn L. I love me some datives: Expressive meaning, free datives, and F-implicature // Gutzmann D., Gärtner H.-M. (eds.) *Beyond Expressives: Explorations in Use-Conditional Meaning*. — Leiden: Brill, 2013. — P. 151–199.
- [15] Kustova G. I. Dative case [Datel'nyy padezh] // *Materials for the project of corpus description of Russian grammar*. — Manuscript. — Moscow, 2012. — Access mode: <http://rusgram.ru>
- [16] Lambert S. Beyond recipients. Towards a Typology of Dative Uses. Ph. D. thesis / S. Lambert; University of Buffalo. — Buffalo, 2010. — Access mode: <https://arts-sciences.buffalo.edu/content/dam/arts-sciences/linguistics/AlumniDissertations/Lambert%20dissertation.pdf>
- [17] Lamiroy B., Delbecque N. The possessive dative in Romance and Germanic languages // van Belle W., van Langendonck W. (eds.) *Casus and Grammatical Relations across Languages. The Dative*. — vol. II. — Amsterdam: John Benjamins, 1998. — P. 29–74.
- [18] Larrivé P. Metalinguistic negation from an informational perspective // *Glossa: a journal of general linguistics*. — 2018. — Vol 3(1): 56. — P. 1–22.
- [19] McCawley J. Contrastive Negation and Metalinguistic Negation // *The proceedings of the 27th Annual Meeting of the Chicago Linguistics Society (CLS 27)*. — Chicago, IL, 1991. — P. 189–206.

- [20] Moeschler J. 2018. A set of semantic and pragmatic criteria for descriptive vs. metalinguistic negation // *Glossa: a journal of general linguistics*. — 2018. — Vol 3(1): 58. — P. 1–30.
- [21] Nyström S. Names and Meaning // Hough C. (ed.) *The Oxford Handbook of Names and Naming*. — Oxford: Oxford University Press, 2016. — P. 39–51.
- [22] Paducheva E. *Russian Negative Sentence*. [Russkoe otritsatel'noe predlozhenie]. — Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013.
- [23] Pennington J. The Bosnian-Croatian-Serbian adnominal possessive dative at the syntax-pragmatics interface // *Slavia Centralis*. — 2012. — Vol. 5 (1). — P. 104–121.
- [24] Russian National Corpus [Nacional'nyi korpus russkogo jazyka]. — 2003–2022. — Access mode: <http://www.ruscorpora.ru>
- [25] van der Sandt, R. 1991. Denial // *Chicago Linguistic Society*. —1991. — Vol. 27. — P. 331–344.
- [26] Umbach, C., 2004. On the Notion of Contrast in Information Structure and Discourse Structure // *Journal of Semantics*. — 2004.— Vol. 21 (2). — P. 155–175.